

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НОВОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАЗДНИКЕ В ПЕРИОД 2007-2015 гг.***

© 2016 А.М. Борисова, М.И. Воловикова**

***THE DYNAMICS OF SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT THE NEW
STATE HOLIDAY DURING 2007-2015***

A.M. Borisova, M.I. Volovikova

Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление динамики социальных представлений о новом государственном празднике – Дне народного единства – в период с 2007 по 2015 годы. Было проведено сопоставление структуры социальных представлений о «настоящем» празднике и структуры отношения к отмене праздника Великой Октябрьской революции (Дня примирения и согласия). Получены подтверждения гипотез о постепенном снижении уровня неприятия нового праздника и о незрелой структуре социальных представлений о нем. Рассмотрены возможности практического применения результатов проведенного исследования.

The paper presents the results of the empirical study aimed at identifying the dynamics of social representations of the new state holiday – The Day of National Unity – in the period of 2007-2015 years. The structure of social representations of the new holiday has been compared to the similar ones of the "real" holiday and to the attitude to the cancellation of the holiday of the Great October revolution holiday (now The Day of reconciliation and accord). The hypothesis of the gradual reduction

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00859.

** Борисова Анастасия Михайловна, младший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН Института психологии РАН, anamibo@yandex.ru; Воловикова Маргарита Иосифовна, доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН Института психологии РАН, margarita-volovikova@ya.ru.

of the new holiday rejection and immature structure of its social representations has been confirmed. The possibilities of practical application of these results have been considered.

Ключевые слова: праздник, личность, социальные представления, мировоззрение, миф, культура, нравственный идеал, календарные праздники, Пасха, аутомортальная тревожность.

Key words: celebration, identity, social representations, philosophy, myth, culture, moral ideal, calendar holidays, Easter, anxiety because of fear of the personal death.

Календарь официальных (государственных) праздников подвергается существенным изменениям на всем постсоветском пространстве, в том числе, и в Российской Федерации. Несомненно, праздники имеют большое и пока мало изученное идеологическое значение для консолидации граждан вокруг той или иной идеи (Россия в глобализирующемся мире ..., 2007; и др.). В этом смысле, введение в праздничный календарь в конце 2004 года нового праздника – Дня народного единства с датой празднования 4 ноября и отмена выходного дня 7 ноября означало завершение эпохи «Великого Октября». Хотя прежний главный советский праздник Великой Октябрьской социалистической революции 7-8 ноября еще в 1990-е годы сократился до одного дня празднования и стал называться Днем примирения и согласия, но по-прежнему связывался российским населением с Октябрьской революцией.

Таким образом, с «заменой» одного праздника другим для исследователей были созданы условия естественного социального эксперимента (см. также: Рощин и др., 2003; Социальная психология, 2002; и др.), в котором можно было изучать многие аспекты общественного и индивидуального сознания: влияние идеологии на личность и инерцию мировоззренческих установок, психолого-мировоззренческое значение праздника как уникального явления человеческой культуры и многое другое.

Быстрее всего на ситуацию отреагировали социологи. Многочисленные опросы общественного мнения однозначно показали: новый праздник не принимается населением, а «замена» (хотя и неявная) резко отторгается. Обращение к психологическим методам позволяет приблизиться к пониманию внутренних причин (см.: Современная психология ..., 1999; Соснин и др., 2011; и др.) такой реакции на изменение календаря и дать некоторые рекомендации для исправления ситуации с новыми праздниками в дальнейшем. Тема праздника является относительно новой для психологической науки. После кандидатской диссертации С.В. Григорьева, построенной на материале «игровых биографий» и лишь косвенно связанной с праздником (Григорьев, 1991), М.И. Воловиковой, С.В. Тихомировой и А.М. Борисовой было предпринято конкретное психологическое исследование праздника. В 2003 году этими авторами была подготовлена монография «Психология и праздник. Праздник в жизни человека» (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003), а в 2008 году С.В. Тихомирова защитила кандидатскую диссертацию по социальной психологии, целиком посвященную теме праздника (Тихомирова, 2008). В работе были рассмотрены социальные представления о празднике современной российской молодежи.

Понятие «праздник» является сложным и многозначным, поэтому мы для простоты изложения воспользуемся его очевидным пониманием, основанным на этимологии слова «**праздн**-ик» – праздный, не занятый делом. Под такое понимание подходят:

- ✓ и просто отдых, выходной;
- ✓ нерабочие дни официального календаря;
- ✓ праздник как психологическое состояние;
- ✓ праздник как возвышенное сакральное действие.

Все зависит от того, чем будет наполнено «праздное» время для социальной общности и для каждой конкретной личности.

Много новых фактов, раскрывающих значение праздничной культуры, получено в смежных с психологией науках: этнологии, антропологии, истории, культурологии, социологии, философии.

Теоретический анализ выполненных исследований по теме праздника (Бахтин, 1990; Жигульский 1985; Мазаев, 1978; Рашковский, 2008; Элиаде, 2013; и др.) позволяет выделить основополагающие аспекты праздничной культуры. Четкая взаимосвязь категорий «праздник» и «миф» прослеживается в работах М.М. Бахтина и М. Элиаде. Показано, что праздники – это особый период времени, когда человеку открывается мифологический пласт бытия, когда принимаются образцы поведения, историческая значимость деяний и мировоззренческие ориентиры. И.В. Гужовой предпринята попытка построения целостной модели праздника как феномена культуры. Сделан вывод о том, что праздник предстает как деятельность, моделирующая в символично-ритуальной форме эстетическое отношение человека к опыту обретения гармонии с миром (Гужова, 2006). Исследования специалистов смежных с психологией наук (Васильев, 2003; Гужова, 2006; Пронина, 2001; Рыбникова, 2001; и др.) позволяют сформулировать следующие положения о природе праздника как явления культуры:

- ✓ праздник – уникальное социально-культурное явление, смысл которого состоит в постижении человеком окружающего мира и самого себя;
- ✓ праздник необходим для гармоничного существования и жизнедеятельности человека, поскольку аккумулирует и преломляет искания и взгляды разных культурно-исторических периодов и актуализирует совокупность ценностей и норм, принятых в конкретном обществе;
- ✓ праздник можно рассматривать как постоянный двусторонний процесс, когда, с одной стороны, он формирует социокультурную ситуацию, а с другой стороны, бытийствует в соответствии с ней.

Т.П. Ванченко, И.В. Гужова, Г.Г. Карпова, М.А. Медведева, И.Ю. Рыбникова, И.Н. Пронина, В.Н. Попова, М.А. Слюсаренко и другие авторы

отмечают, что в настоящее время праздничная культура претерпевает глобальные изменения. Т.Н. Золотова, сопоставляя судьбу двух новых для России праздников – Дня влюбленных и Дня супружеской любви и верности, связывает их распространение с поиском новых идей и ценностей после распада СССР. А.В. Гурко делает вывод о влиянии китайских традиций на развитие праздничной культуры Беларуси на стыке XX и XXI веков. Фундаментальное исследование динамики календарных праздников у белорусов Полесья в конце XX – начале XXI веков проведено В.Н. Александронец. Литовский ученый Й. Мардоса проследил в течение этого же периода судьбу обряда освящения полей, имеющего не только сакральный, но и экологический смысл (XI Конгресс..., 2015).

Социально-психологические исследования праздника основаны на изучении той субъективной его картины, которая имеется у социальных или этнических групп респондентов. То есть речь идет об исследовании социальных представлений о празднике, а также о личностном отношении к нему.

С.В. Тихомировой выявлена тенденция роста доли этнических праздников в представлениях о празднике современной российской молодежи – во всех группах, кроме русских (Тихомирова, 2008). Показана экзистенциальная потребность человека в празднике (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003), архетипическая роль праздничной культуры в сохранении и передаче последующим поколениям нравственного идеала (Воловикова, 2005).

Мы обратились к дореволюционной истории в поиске последствий резкого, революционного изменения официального праздничного календаря – из 30 государственных праздников Российской империи в Советской России не осталось ни одного. Новый праздничный календарь сформировался к концу советского периода.

Как показывают исследования этнографов, главным праздником в дореволюционной России была Пасха (Громыко, 1991; Громыко, Буганов, 2007;

и др.). Пасхальному ритму подчинялся весь годовой праздничный ритм. После «календарных битв» 1930-х годов и попыток заменить неделю «пятидневкой», «десятидневкой» и т.п. Пасха закрепилась в официальном государственном календаре «воскресеньем», «малой Пасхой», с которой начиналась, а в наше время – заканчивается каждая неделя (и это не англ. Sunday или нем. Sonntag, т.е. «день солнца»). Воскресение Христа означает окончательную победу над смертью. Пасхальный канон творения Иоанна Дамаскина наполнен словами «веселье» и «радость» (на русском языке первая песня канона – «небеса веселятся», «земля радуется», так как «Христос воскрес, веселье вечное») (Иоанн Дамаскин, 2016). Любовь к этому празднику во многом определила характер русского народа – его бесстрашие и готовность отдать жизнь за высокие идеалы (см.: Громыко, Буганов, 2007). Показано, что один праздник годового праздничного круга раскрывал значение другого, и все вместе они были взаимосвязаны, давая опыт переживания событий священной истории – истории, наполненной смысла, непрерывной, начиная с предыстории мира. Подготовка к празднику включала в себя духовную дисциплину и работу над собой (Громыко, 1991). Сам праздник воспринимался на всех уровнях осознанного и неосознаваемого – цветом, звуками неумолкающего колокольного звона, запахами, вкусом, знакомыми с детства словами песнопений. Пасха праздновалась массово, громко и ярко как вселенское событие (Пыльнева, Леднев, 2000).

Поиск высших целей и победы над смертью сохранился в праздниках советского периода. Возможно, место запрещенной Пасхи было предназначено Дню Великой Октябрьской революции, но реально оказалось связано с Днем Победы.

Начав исследование 16 лет назад, нам удалось собрать воспоминания участников о самом событии – дне 9 мая 1945 года, когда объявили, что война завершилась полным разгромом фашистской Германии. В сильнейших переживаниях того дня у рассказчиков слились и слезы о погибших близких

людях, и память о трудностях военного времени, и огромная радость. Победа над опасным и сильным врагом давала чувство гордости за свой народ, за свою страну. С 1965 года этот день вошел в официальный календарь государственных праздников и был объявлен нерабочим. Но до настоящего времени еще живы свидетели того самого Дня Победы, и они могут рассказать своим внукам и правнукам, что именно празднуется, как ужасна была война, бесчеловечен фашизм и как радостно, что «мы» победили – все «мы», весь народ, принадлежать которому очень почетно.

Как-то мы задали свой вопрос о 9 мая 1945 года Людмиле Ивановне Анцыферовой. Она вспомнила: «Когда объявили Победу, то всех охватила огромная радость. Люди не хотели сидеть дома. Было горячее желание поделиться этой радостью с другими. И вот улицы и площади Москвы стали заполняться народом. Все кидались друг к другу, незнакомые люди обнимались и плакали от счастья. И было чувство, что все едины в этой радости, будто у всех одно сердце».

В предыдущих работах мы не раз утверждали, что прототипом, образцом праздника для русских является Новый год (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003), но со временем и результатами продолжавшихся исследований пришли к выводу, что прототипом подлинного («настоящего») праздника была и осталась Пасха, долгие десятилетия запрещенная и почти забытая. Хотя Новый год для современников остается самым любимым праздником. Новый год впитал в себя громкость и ликование Пасхи, тогда как Рождество – тихий и торжественный праздник рождения будущего победителя смерти. Но так сложилось, что русский Новый год стал главным праздником, объединяющим большинство жителей страны – ожиданием, подготовкой и одновременным переживанием события полночи.

Согласно нашим исследованиям (Воловикова и др., 2003), в советских праздниках было много доброго. Оказалось, что, спустя десятилетия после наступления постсоветской эпохи, сохранилась благодарная память об этих

праздниках: о той атмосфере мира, дружелюбия и чувства единства со всеми людьми, которыми было наполнено празднование, особенно семейное. Мы предположили, что могучая культура прежней России, в основах своих христианская, преобразила советские праздники и сделала их уникальным явлением мировой праздничной культуры, позволяя в условиях тоталитарного государства сохранить вечные ценности любви, веры и надежды.

Как всегда это происходило при смене общественного строя, с начала 2000-х годов официальный праздничный календарь вновь стал меняться. Одновременная замена в 2005 году главного советского праздника 7 ноября (годовщины Великого Октября) на 4 ноября (День народного единства) давала исследователям редкую возможность наблюдать *процесс* принятия (либо отторжения) личностью нового праздника.

Гипотеза исследования:

1. Предполагалось, что негативное отношение к «замене» праздника будет меняться с тенденцией к постепенному снижению.
2. Затруднения в принятии нового государственного праздника связаны с содержательно незрелой структурой социальных представлений российских граждан о нем.

С целью проверки данной гипотезы нами была разработана *программа эмпирического исследования*, включающая 3 этапа.

Задача первого этапа состояла в выявлении зрелой структуры социальных представлений о подлинном («настоящем») празднике.

Второй и третий этапы, соответственно, были направлены на выявление структуры социальных представлений о новом государственном празднике, рассматриваемой в динамике (2007-2015 гг.).

На всех трех этапах использовался метод выявления структуры социальных представлений (Емельянова, 2006; Пащенко-де Превиль, Дрозда-Сенковска. 2013; Verges. 1992). Применялись авторские анкеты: на первом этапе анкета М.И. Воловиковой, на втором и третьем – анкета А.М. Борисовой

и М.И. Воловиковой. Обработка результатов проводилась с помощью методов математической статистики и качественного анализа. Исследование осуществлялось в период с 2007 по 2015 годы.

Респондентами выступили взрослые граждане Российской Федерации. Общее количество респондентов составило 439 человек, которые распределились по этапам следующим образом: 1-й этап – 166 человек, Ж – 86,1% , М – 13,9%, средний возраст 40 лет; 2-й этап – 189 человек, Ж – 66,1%, М – 33,8%, средний возраст 35 лет; 3-й этап – 84 человека, Ж – 77,3%, М – 22,6%, средний возраст 34 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе респондентам предъявлялась для заполнения разработанная нами анкета открытого типа, состоящая из заданий назвать ассоциации со словом «праздник», завершить неоконченное предложение «для меня праздник – это...», а также просьбы описать особенно запомнившийся праздник и пояснить, чем именно он запомнился. Кроме того были вопросы о возрасте и поле респондента, а также и о возрасте, к которому относится данное воспоминание. При обработке описаний использовался контент-анализ. Обработка ассоциаций осуществлялась по методу П. Вержеса (Verges, 1992). С помощью специальных математических процедур в социальном представлении (СП) о «настоящем празднике» были выделены «ядро» и «периферия» – устойчивая и подверженная изменениям составляющие структуры СП.

Е. Пащенко-де Превиль и Е. Дрозда-Сенковска отмечают, что, в соответствии с прототипическим методом анализа П. Вержеса центральные элементы представления являются не только высокочастотными, но и приводятся респондентами в числе первых рангов. Пересечение показателей частотности и среднего ранга каждого элемента (ассоциации) позволяет построить таблицу, состоящую из четырех квадратов. «Квадрат, который находится в левом верхнем углу таблицы, объединяет слова с высокой

частотностью и низким значением ранга (наиболее часто присутствующие в ответах респондентов и в самых первых рангах). Это элементы, принадлежащие к центральному ядру представления с достаточно высокой степенью вероятности» (Пащенко-де Превиль, Дрозда-Сенковска, 2013, с. 90). Элементы, входящие в правый нижний квадрат, редко называют и в самых последних рангах. Это дальняя периферия представления, и от нее можно полностью абстрагироваться. Два других квадрата (левый нижний и правый верхний) относятся к той периферии, элементы которой по-разному, но могут служить источником *потенциальных изменений* социальных представлений.

Результаты представлены в табл. 1. Высокочастотные элементы с низким значением ранга (т.е. их называют часто и ставят на первые позиции) относят к ядру СП. В таблице они занимают левый верхний квадрат. Интерпретация остальных квадратов в разных источниках несколько различается, но все исследователи сходятся на том, что это периферия СП, причем в нижнем левом квадрате собраны не высокочастотные элементы с низким значением ранга, образующие зону потенциальных изменений СП. Правый верхний квадрат иногда связывают с влиянием СМИ.

Таблица 1. Структурный статус элементов СП о «настоящем празднике»

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<1,97	≥1,97
≥23,4	радость (1,5) веселье (1,67)	подарок (2,4)
<23,4	новый год (1,6) хлопоты (1,88) отдых (1,9)	гости (2,0) стол (2,15) друзья (2,16) музыка (2,4)

Картина структуры СП четкая и ясная. В «ядре» СП находятся ассоциации «радость» и «веселье». В «зоне ближайшего развития» – «Новый год», «отдых», «хлопоты». Вполне возможно, что место «подарка» связано с влиянием рекламы в СМИ. Что касается «друзей», «музыки», «стола» и «гостей», то в разных по возрасту выборках их место в структуре

варьировалось (см.: Борисова, 2012). Но во все годы и на всех этапах неизменно с большим отрывом лидировали «радость» и «веселье».

На втором и третьем этапах для выявления динамики субъективной картины нового праздника – Дня народного единства (4 ноября) и отношения к одновременной отмене Дня Великой Октябрьской революции (7 ноября) – нами была разработана анкета, размещаемая на сайте ИП РАН ежегодно с сентября по ноябрь, начиная с 2007 г., для заполнения в режиме онлайн. Анкета построена по тем же принципам, что и анкета первого этапа, что позволяет соотнести результаты и дать им интерпретацию. В табл. 2 приведены результаты 2-го этапа исследования.

Таблица 2. Структурный статус элементов СП о празднике «4 ноября» (2007-2013)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 1,85	≥ 1,85
≥ 9	выходной (1,39) единство (1,54) что это? (1,59)	7 ноября (1,85) непонятность (1,85) искусственность (1,9) осень (1,93) отдых (2,11) негативные чувства (2,13) Минин и Пожарский (2,2) холодно (2,2) бытовые проблемы (2,2) память/история (2,83)
< 9	революция (1,29) Путин (1,33) ничего (1,43) согласие (1,5) праздник (1,57) икона Казанской Б.М. (1,57) народ/общество (1,83)	красный цвет (2,5)

Лидируют ассоциации: *выходной, единство, «что это?»*, (частота ≥ 9; средний ранг < 1,85). В зону потенциальных изменений СП вошли ассоциации: *революция, Путин, ничего, согласие, праздник, икона Казанской Б.М., народ/общество* (частота ассоциация <9; средний ранг < 1,85). Иницированными СМИ можно считать ассоциации: *7 ноября, непонятность, искусственность, осень, Минин и Пожарский, холодно, отдых, память/история* (частота ≥ 9; средний ранг ≥ 1,85).

Полученные результаты показывают, прежде всего, то, что СП о новом празднике пока не сложились, что в ядро СП об этом празднике вошли ассоциации, которые не образовали смыслового единства, целостности, что свидетельствует об отсутствии сформированного ядра, а значит и четкого представления о том, «что» и «зачем» празднуется в этот день.

Одна из причин непринятия нового праздника, возможно, заключается в том, что календарно он близок к главному советскому празднику 7 ноября. Еще живо то поколение, для которого это был не просто идеологический, а настоящий праздник, который собирал вместе друзей, коллег, всю семью. На вопрос: «Что для Вас означает старый праздник 7 ноября?», пожилые респонденты отвечали: «Великолепные воспоминания – величия и гордости за нашу родину, за великий народ огромной страны» (Ж, 65 лет), «Патриотические чувства, демонстрация, семейные праздники» (Ж, 57 лет), «Общий сбор всех родственников, праздничный стол, веселье, песни» (М, 82 года), «Воспоминание атмосферы всеобщего праздничного настроения» (М, 57 лет).

Период времени, когда Великий Октябрь был главным праздником, характеризовался представлением о величии страны, гордости за победу народа в Великой Отечественной войне, гордости от успешных запусков первых искусственных спутников Земли и полета Гагарина. Резкая и неподготовленная «замена» праздника вновь высветила проблему прерывности-непрерывности отечественной истории. Та предварительная работа, которую нужно было бы проделать до включения нового праздника в календарь, должна быть направлена на важную идею исторической преемственности поколений и передачи всего самого ценного для российского сознания. Собственно сама передаваемая ценность обозначена в названии праздника – единство народа.

За 2014-2015 гг. были получены заполненные анкеты от респондентов из разных российских регионов, включая Крым. По результатам анализа можно отметить несколько тенденций, которые отличают последние два года от всех

предыдущих: отсутствие агрессивно-негативного отношения к празднику 4 ноября; подавляющее большинство теперь знает, о каком празднике идет речь. Однако, как и прежде, лидирует ассоциация «выходной» (см. табл. 3).

Таблица 3. Структурный статус элементов СП о празднике «4 ноября» (2014-2015)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 1,8	≥ 1,8
≥ 6	выходной (1,24) непонятный (1,38) демонстрация (1,66)	бессмысленность (1,8) замена/подмена (1,83) поляки (1,83) Минин и Пожарский (1,88) Россия (1,88) единство (2,07) искусственный (придуманный) (2,38)
< 6	День народного единства (1,0) революция (1,5) праздник (1,5) осень (1,6)	7 ноября (1,85)

В ответах респондентов по поводу 7 ноября начали появляться высказывания, дающие отстраненную оценку советскому периоду: «это символ умершего советского строя, Октябрьской революции», «СССР, застой, иллюзии», «начало СССР», а также прямо осуждающие стремление расценивать этот день как праздник – «день трагедии», «Это не праздник, а катастрофа! День памяти жертв революции и красного террора». Были и нейтральные ответы: «Изменения в истории России», «День Революции в бывшем коммунистическом государстве», «Историческая дата, исторический факт». Встречается и сожаление об ушедшем празднике: «Праздник, гордость, радость, семейное торжество, парад», «...единство какое-то, некоторый эмоциональный подъем. В семье жалели, что его отменили». Изредка, но появлялось слово «радость», что относилось, в основном, к детским воспоминаниям наших респондентов об этом празднике.

Таким образом, человеку нужно время, чтобы наполнить праздник субъективным содержанием. Очевидно, что прежние праздники, особенно праздники детства, долго хранятся в памяти. День народного единства стал лучше восприниматься именно в последние два года.

Мы предполагали, что картина отношения к «осенним праздникам» будет меняться. Последний этап исследования подтвердил наше предположение. Можно отметить отсутствие напряженности негативных высказываний, которая отмечалась в предыдущие годы. Характерный пример – ответы 53-летней жительницы Москвы. Праздник 4 ноября для нее «выходной», ассоциации с этим днем из ее детства – «7 ноября», «революция», «каникулы». А на вопрос, что для нее означает прежний праздник 7 ноября, она отвечает: «часть жизни».

Несколько анкет молодых людей пришло из Крыма. Отмечается позитив и общее положительное ожидание от всех праздников нового для них (18-летних) государства и полное отсутствие каких-либо знаний о 7 ноября и, соответственно, отсутствие каких-либо психологических проблем в связи с этим праздником. На такой «чистой» территории можно и нужно созидать современную картину подлинной значимости государственных праздников и ценностей, охрана которых является назначением самого государства. Т.е. речь идет о «воспитании праздником» уже новых поколений россиян. Связано это с тем огромным, еще пока мало исследованным психологическим значением, которое имеет праздник.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

То, что изменение официального праздничного календаря всегда происходило и происходит вслед за изменением государственной идеологии, доказывает наличие идеологической составляющей праздника как важнейшего явления общественной жизни. Сами же психологические исследования праздника органично входят в научное направление изучения психологических проблем современного российского общества (Психологические исследования ..., 2013; Психологические проблемы ..., 2012; Психологическое здоровье ..., 2014; и др.).

М.М. Бахтин подчеркивал: «Никакое “упражнение” в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая “игра в труд” и

никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет, и не может быть никакой праздничности» (Бахтин, 1990, с. 13-14). Праздник обладает автономностью, относительной независимостью от происходящих в обществе процессов, поскольку главная характеристика этого феномена – наличие существенного и глубокого смыслового, «миросозерцательного» содержания.

Ассоциации «радость» и «веселье», составляющие ядро социальных представлений о подлинном («настоящем») празднике, могут также пониматься по-разному, но очевидно говорят о потребности в этих состояниях и, тем самым, о потребности человека в подлинном празднике. Так, например, Т.А. Гавриловой высказана идея о существовании аутомортальной тревожности – понятия, «которое содержательно охватывает тревогу и страх человека по поводу собственной смерти» (Гаврилова, 2013, с.100). Хотя работа Т.А. Гавриловой базируется на западных исследованиях страха смерти (см.: Ялом, 2000), однако в ней сфокусировано внимание на состоянии естественной фоновой тревожности всякого взрослого человека как существа смертного. О значении праздника для преодоления страха смерти говорит М. Элиаде. Праздник, по М. Элиаде, – это «не церемония “в память” о каком-либо мифическом событии, а его *восстановление* в настоящем» (Элиаде, 2013, с. 55), ритуальное воссоздание первой реальности, время *начала*, которое «не течет» и представляет собой *вечное настоящее*. Воспроизведение в настоящем одних и тех же мифических событий придает человеку великую надежду: дает ему возможность преобразовать свое существование, уподобить его божественному образцу. Благодаря такому «регулярному возврату» к истокам священного и реального у человека появляется чувство защищенности от небытия и смерти

(там же, с. 70). В празднике Пасха (Воскресение) эта проблема снимается полностью. Но в каждом подлинном празднике отмечается ослабление тревожности по разным основаниям. Так в советских праздниках присутствовала идея не напрасной жертвы – ради страны, ради других людей.

И последнее: из недавних наблюдений того, как праздник День Победы укрепился акцией «Бессмертный полк», давая личности переживание радостного единства с миром и с другими – живыми и положившими свою жизнь в битве с фашизмом. Из опубликованных воспоминаний: «Если в подобные минуты нация способна отбросить всё, что разделяет – экономическое, социальное, мировоззренческое, и единым целым, единым хором выступить, то это абсолютно непобедимо. И у меня было это чувство. Вечером я прошла всю Тверскую. Радостные лица, улыбки... Незнакомые люди говорили друг другу: «С праздником! С праздником!» (Филатов, 2015).

ВЫВОДЫ

Сравнение результатов обработки ассоциаций, полученных на разных этапах исследования, позволяет увидеть довольно распространенную субъективную картину праздника «4 ноября» как просто «выходного», а не «Дня народного единства», хотя в 2014-2015 годах уже наблюдаются некоторые позитивные изменения в социальных представлениях о новом празднике.

Благополучное принятие нового праздника может быть только в случае наличия в нем очевидного для большинства граждан смыслообразующего компонента и его экзистенциальной значимости. Именно поэтому введению нового праздника должна предшествовать большая подготовительная работа, в которой будут учтены значимые особенности, связанные с современной культурно-исторической обстановкой, социально-общественными настроениями людей, идеологическими ориентирами государства и т.п.

Главная задача праздника состоит в сохранении ценностей, поддержании нравственных норм и принципов, имеющих первостепенное значение для личности и общества.

Подлинный праздник живет по своим внутренним законам – зарождается, передается от поколения к поколению и от народа к народу, утверждая высшие смыслы бытия. Официально «назначенный» праздник может не приниматься личностью без предварительного разъяснения его идеи, без разработки каких-то общих действий и ритуалов.

Запрещенный праздник может сохраниться и «прорасти» в каких-то других праздниках. В советский период российской истории это произошло с праздниками Пасха и Рождество (соответственно, День Победы и Новый год). Под воздействием христианских ценностей доброго отношения между людьми преобразились советские праздники, но со сменой поколений значение этих праздников ослабевает.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
- Борисова А.М.* Психолого-мировоззренческое значение праздника для современной личности // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.248-261.
- Васильев М.И.* Проблемы сохранения русской традиционной праздничной культуры в современном праздничном календаре // Вестник НГУ. 2003. № 24. С.51-56.
- Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М.* Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: ПерСэ, 2003.
- Гаврилова Т.А.* Аутомортальная тревожность как субъектный феномен // Психологический журнал. 2013. Т.34. № 2. С.99-107.

- Григорьев С.В.* Самовыражение и развитие личности в игре. Автореферат дисс...канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.
- Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Громыко М.М., Буганов А.А.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.
- Гужова И.В.* Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 7 (58). С.92-95.
- Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Жигульский К.* Праздник и культура. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1985.
- Иоанн Дамаскин.* Пасхальный канон [Электронный ресурс] / URL: <http://azbyka.ru/molitvoslov/pasxalnyj-kanon-tvorenie-ioanna-damaskina.html> (дата обращения: 10.01.2016).
- Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978.
- Пащенко-де Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е.* Социальные представления об ответственности у молодежи России и Франции: кросскультурный анализ // Психологический журнал. 2013. Т.34. №2. С.87-98.
- Пронина И.Ю.* Феномен праздника в контексте отечественной культуры. Автореф...канд. филос. наук. Саранск, 2001 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 13.05.2015).
- Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Христос воскрес / сост. *Пыльнева Г.А., Леднев А.В.М.*: Паломник, 2000.

Рашковский Е.Б. Православные праздники. М.: Эксмо, 2008.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.

Рощин С.К., Журавлев А.Л., Шорохова Е.В., Хащенко В.А. История и методы социальной психологии // Психология XXI века: учебник для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2003. С.613-634.

Рыбникова И.Ю. Бытийный статус праздника. Автореферат дисс. ...канд. филос. наук. Омск, 2001 [Электронный ресурс] / <http://www.dissercat.com/content/bytiinyi-status-prazdnika> (дата обращения: 13.09.2013).

Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В.Н.Дружинин. М.: ПЕР СЭ, 1999.

Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А. Социальная психология: учебное пособие для студентов вузов. 2-3 изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.

Социальная психология: учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л.Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Тихомирова С.В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи. Автореферат дисс... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Филатов Н. Беседа с политологом Натальей Нарочницкой о событиях уходящего года и консервативном движении Запада // Православие.ру, 29 декабря 2015 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.pravoslavie.ru/89227.html> (дата обращения: 19.01.2016).

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 2013.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2000.

XI Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 / Отв. ред. В. Тишков, А. Головнев. М.-Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015.

Verges P. L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central
d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V.XLV. P.203-209.